

первые десятилетия существования салона Богдановичей едва ли можно говорить о сколько-нибудь выраженной его идеологической окраске. Трудно даже признать его собственно политическим, поскольку политикой интересы появившихся там лиц отнюдь не ограничивались. В неформальной обстановке из собеседников легко было вытягивать сведения, нередко они и сами спешили их сообщить. Всё это укрепляло позиции и расширяло возможности генерала, превращавшегося в фигуру, пытавшуюся влиять уже не только на общественную жизнь, но и на внешнюю политику России.

Граф М.Т. Лорис-Меликов и салон Богдановичей

Андрей Мамонов

Count M.T. Loris-Melikov and the salon of Bogdanovich

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870008277-5

Как известно, «либеральная система», которую в 1880—1881 гг. пытался выстраивать гр. М.Т. Лорис-Меликов, подразумевала активное вовлечение в правительственную политику «общества» и периодической печати различных направлений¹. Контакты графа с общественными деятелями и публицистами не раз привлекали внимание историков². Гораздо хуже освещены (да и слабее отражены в источниках) его связи с петербургскими салонами. Между тем хорошо известно, что он широко ими пользовался, по меньшей мере с зимы 1878/79 гг. Графиня М.Э. Клейнмихель «часто встречалась» с ним тогда «у графини Адлерберг, жены министра двора Александра II». У Е.Н. Нелидовой гр. Лорис-Меликов сблизился с А.А. Абазой. «В клубах и салонах только и было разговоров, что о прекрасном армянине», — вспоминала гр. Клейнмихель. Ловко подыгрывая своим собеседникам, «он каждому нравился и каждый говорил

© 2020 г. А.В. Мамонов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ См.: *Христофоров И.А.* Закат эпохи преобразований // Реформы в России с древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 166—178.

² *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880 годов. М., 1964. С. 148—378; *Афанасьев А.П.* Столичные либеральные газеты и лорис-меликовская «диктатура» (начало 80-х годов XIX века) // Проблемы истории СССР. Вып. 3. М., 1973. С. 182—194; *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 190—209; *Чернуха В.Г.* Правительственная политика в отношении печати (60—70-е годы XIX века). Л., 1989. С. 17—19, 80—82, 111—112, 191—193; *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в пореформенной России. М., 1994. С. 246—247; *Луночкин А.В.* Газета «Голос» и режим М.Т. Лорис-Меликова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Философия. 1996. № 1. С. 49—56; *Кузнецов О.В.* Р.А. Фадеев: генерал и публицист. Волгоград, 1998. С. 120—135; *Динерштейн Е.А.* А.С. Суворин. Человек, сделавший карьеру. М., 1998. С. 69—72, 95—96; *Твардовская В.А.* Александра Дмитриевич Градовский // Российские либералы. М., 2001. С. 142—151; *Дубенцов Б.Б.* М.Т. Лорис-Меликов и «охранители» в 1880—1881 гг. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Б.В. Ананьича. СПб., 2003. С. 63—69; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102—210.

о нём “с’est mon homme!”»³. Успех в высшем обществе и боевые заслуги 1877—1878 гг., способствовали стремительному карьерному взлёту графа, назначенного в 1879 г. временным генерал-губернатором сначала в Астрахань, а затем — в Харьков. Но и в 1880—1881 гг., вплоть до отставки с поста министра внутренних дел, гр. Лорис-Меликов обсуждал правительственные дела в салонах Нелидовой, гр. Клейнмихель, М.В. Дурново.

К сожалению, сведения об этих неформальных политических центрах крайне обрывочны и скупы. Подробные записи о своём салоне оставила лишь Александра Викторовна Богданович — супруга состоявшего по МВД генерал-майора Е.В. Богдановича, отмечавшая в дневнике наиболее видных посетителей и лаконично излагавшая их рассказы. Фрагменты её дневника были опубликованы ещё в 1924 г. Однако публикаторы полагали, что «грандиозная рукопись автора... загромождена сотнями страниц никому не нужного, чисто домашнего материала». Поэтому до читателей дошла лишь неизвестно кем подготовленная «краткая экскерпция», не отражавшая ни характер источника в целом, ни структуру отдельных записей, которые произвольно сокращались или вовсе удалялись⁴. Эта книга, ставшая исключительно популярной и неоднократно переизданная, не только искажала, но и заслоняла собой публикуемый текст, поскольку к сохранившемуся в архиве подлиннику исследователи уже практически не обращались. Такое издание, разумеется, не раскрывало особенностей взаимоотношений гр. Лорис-Меликова с Богдановичами. Не удивительно, что этот сюжет даже не затронут ни в наиболее полном очерке, посвящённом салону, ни в самой обстоятельной на сегодняшний день биографии графа⁵.

Судя по дневнику Александры Викторовны, гр. Лорис-Меликов впервые появился у Богдановичей в воскресенье 3 февраля 1880 г. — на следующий же день по завершении работы над своим генерал-губернаторским отчётом⁶. «Вошёл граф Лорис-Меликов, — записала генеральша, — о нём так много говорили и рассказывали, что я его встретила как старого знакомого — очень приятная, подкупающая вас сразу манера, приятное симпатичное лицо, сидел долго». Богданович, по её словам, «ожидала встретить то, что встретила; добродушный, но вместе с тем и хитрый, сам говорит “одна рука гладит, другая наказывает”. Манера чарует своей простотой, с ним чувствуешь, как будто давно его знаешь, что нет тяжёлого натянутого положения»⁷.

Любопытно, что гр. Лорис-Меликов решил познакомиться с Богдановичами именно теперь. Салон Богдановичей едва ли можно было назвать великосветским, его редко посещали придворные и министры. В основном тут встречались достаточно осведомлённые, но не имевшие постоянного доступа к императору военные и чиновники среднего звена (директора департаментов, губернаторы и т.п.), а также архиереи и протоиереи, литераторы и журналисты ведущих газет, дельцы разного рода. По-видимому, граф, долго отсутствовавший в Петербурге, искал в этом кругу то же, что и все остальные — информацию о происходившем в правительственных сферах, а возможно, и помощь в

³ Клейнмихель М.Э. Из потонувшего мира. Берлин, б.г. С. 82—83.

⁴ Три последних самодержца. Дневник А.В. Богданович. М.; Л., 1924. С. 3, I.

⁵ Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188; Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов...

⁶ Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов... С. 379, 400.

⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 12, 312.

благоприятном освещении своей деятельности. 8 февраля, после обеда в Зимнем дворце, он вновь оказывается у Богдановичей, где «чарует своей манерой»⁸.

Тем не менее о назначении 9 февраля гр. Лорис-Меликова главным начальником Верховной распорядительной комиссии, которой следовало объединить усилия разных ведомств по борьбе с революционерами, у Богдановичей узнали не сразу. Лишь 11 февраля, когда он стал членом Государственного совета, генеральша отметила слухи о том, что «Лорису предстоит занять очень важный административный пост». 13 февраля ей уже сообщили, будто «теперь назначен главным после царя, можно сказать, Лорис, ему даны большие полномочия». На следующий день она уточняла: «Лорису даны права премьер-министра, ему подчинены все генерал-губернаторы, все ведомства, не исключая и военного». Её муж также был «очень доволен этим назначением» и «приветствовал Лориса очень милым письмом»⁹.

Сам граф приехал только 15 февраля, когда в газетах уже появился указ о создании Верховной распорядительной комиссии и его «воззвание к жителям столицы». За завтраком гость «много говорил» и обещал вернуться вечером, «но, увы, комиссия... его задержала». «Очень жаль, — сетовала Александра Викторовна, — так как его приём оживил бы всё общество, — он умеет быть центром, умеет себя заставить полюбить»¹⁰. Близость к столь влиятельной фигуре действительно заметно повышала статус генеральского салона. Однако гр. Лорис-Меликова там больше не видели. Он только передавал поклоны и время от времени принимал Богдановича у себя.

Впрочем, связь генерала с салоном не прервалась, хотя и поддерживалась теперь через посредников. С 16 февраля Богдановичей часто навещал член Верховной комиссии генерал-майор М.И. Батьянов, в начале 1870-х гг. служивший под начальством гр. Лорис-Меликова в Терской области и пользовавшийся его доверием. Как писала генеральша, «ежедневно вечером, когда Лорис ложится спать, он призывает Батьянова и долго с ним толкует, не отпуская его от себя». Именно Батьянов, появлявшийся весной 1880 г. почти каждый день, стал для Богдановичей основным поставщиком сведений об обстоятельствах назначения гр. Лорис-Меликова и деятельности его комиссии, о покушении И. Млодецкого и допросах террориста, об отставке шефа жандармов А.Р. Дренгельна и т.п. Быстро став чуть ли не домашним человеком, он убеждал хозяев в том, что «в Комиссии все сидят порядочные, честные люди», а «Лориса имя впишется в историю наравне с именем Бисмарка», так как «он столько же делает для России, сколько тот для Германии уже сделал». Иногда Батьянов затевал споры с гостями. 23 апреля его речь о том, «как устроить так, чтобы министры были ответственны перед государем в своих деяниях (слушай ответственны перед народом)», «так разозлила Каткова, что он бросил даже на пол шапку, шарф и перчатки — не хочет и слышать об этом, находит, что это пахнет конституцией». Но чаще Батьянов вёл себя иначе. Задерживаясь до позднего вечера, он, по словам генеральши, «не мешает, сидит себе спокойно слушает или наблюдает»¹¹. Тем самым генерал-майор не только формировал общественное мнение о работе Верховной комиссии, но и собирал информацию о настроениях в столице.

⁸ Там же, л. 14.

⁹ Там же, л. 16, 135, 137.

¹⁰ Там же, л. 16.

¹¹ Там же, л. 16—41, 136—137.

Видимо, графу этого было достаточно, поскольку его ближайшие сотрудники бывали у Богдановичей лишь эпизодически. Так, 25 февраля их посетил бессменный правитель канцелярии гр. Лорис-Меликова в 1879—1881 гг. А.А. Скальковский, делившийся своими воспоминаниями о службе в Астрахани и Харькове. 12 марта к ним заглянул чиновник по особым поручениям В.М. Юзефович, также сблизившийся с графом в начале 1879 г., посвящённый в его политические планы и державшийся, похоже, исключительно сдержанно. «Какой он не симпатичный, — возмущалась генеральша, — должно быть осторожным, но надо знать с кем, боится проронить лишнее слово». Знаком особого внимания и благоволения стали визиты супруги Михаила Таризловича и его дочерей¹².

Всё это не могло не отразиться на господствовавшей в салоне атмосфере. В феврале и марте его хозяева и гости воспринимали действия гр. Лорис-Меликова чуть ли не с восторгом. Смущал только его «больной истомлённый вид», но и это указывало на то, что «необходимо беречь Лориса». Им был «очарован» не только А.С. Суворин, но и М.Н. Катков. «У него одна забота, — иронизировала 26 февраля Богданович, — чтобы Лорис стоял за классицизм — они в нём видят спасение России. Вот заблуждение»¹³. Даже осторожно выраженное кн. А.К. Имеретинским сомнение в том, что граф оправдывает возлагаемые на него надежды, вызывало у Богданович недовольство. Она тут же сделала вывод, что собеседник «не совсем сочувственно относится к Лорису». Граф П.И. Кутайсов и В.В. фон Валь, которые «не отрицали его ума, но мало его хвалили», сразу же записывались в «недоброжелатели»¹⁴.

Однако одними симпатиями дело не ограничивалось. Когда 22 февраля гр. Лорис-Меликов получил торжественно благословлявшую его депешу от одного из наиболее почитаемых на Кавказе сановников — кн. Г.Д. Орбелиани, было решено придать ей максимальный резонанс, и Юзефович обратился к Богдановичу: «Мы просили графа её непременно напечатать, Вы один, Евг[ений] Вас[ильевич], сделаете так, что это будет хорошо, так, как Вы один умеете делать». На следующий же день в «Голосе» вышла соответствующая статья генерал-майора. Месяц спустя его супруга писала: «Лорис, кажется, понял, какое Е[вгений] В[асильевич] имеет влияние на печать — теперь же самое серьёзное, по моему мнению, это иметь за себя все органы печати»¹⁵.

9 марта Богданович передал графу записку, в которой намечались меры, направленные против крамолы¹⁶. 17 марта, беседуя с М.С. Кахановым (главным помощником графа), он указывал, что «очень плохой посажен в Комиссию представитель» от МВД. По словам генерала, «его посадил Маков как полицейского — ему доносить о том, что будут говорить». Подобные беседы, по сути, превращали генерал-майора в своего рода осведомителя графа и его окружения в МВД. Между тем в середине апреля Каханов признавал, «что Лорис и Маков в очень косых отношениях»¹⁷.

¹² Там же, л. 20, 25, 27—28, 39.

¹³ Там же, л. 16, 18, 20, 135, 137.

¹⁴ Там же, л. 26, 36.

¹⁵ Там же, л. 19, 30, 137.

¹⁶ Записка генерал-майора Е.В. Богдановича в Верховную распорядительную комиссию / Публ. В.Л. Степанова // Российский архив (история Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.). Вып. XIV. М., 2005. С. 425—450.

¹⁷ РГИА, ф. 1620, оп. 1, д. 235, л. 27, 36.

Со своей стороны, Богданович также мог рассчитывать на помощь гр. Лорис-Меликова. Так, он ходатайствовал перед ним за редакцию «Голоса», улаживал дела своих знакомых, в том числе и директора Департамента полиции исполнительной П.П. Косаговского. Связь с главным начальником Верховной комиссии сказывалась и на положении генерал-майора. 18 марта к нему отправился даже начальник Московского губернского жандармского управления. «Во время завтрака, — торжествовала Александра Викторовна, — велико было наше удивление, когда вошёл Слёзкин, со смерти Мезенцова он не находил нужным к нам приезжать, но теперь ввиду наших отношений к Лорису — он приехал, первую минуту очень был сконфужен.., стоял растерянный — кажется, ему была сегодня неприятность, или вдруг сделалось совестно, что могли смекнуть, что только когда надобно, он вспоминает наш уголок»¹⁸.

Вместе с тем с середины апреля, возможно, не без влияния Косаговского, прежние восторги сменяются в дневнике Богданович критическими замечаниями и плохо скрываемым раздражением. 15 апреля, возмущаясь тем, что «никаких мер не принято», она признаётся: «Я начинаю разочаровываться и в графе, он не умеет выбирать себе людей — у него и нет нюху». 16 апреля, слушая, как кн. Имеретинский и Н.И. Бобриков говорят о том, что «Лорис виляет, нет у него самостоятельности», генеральша с сожалением согласилась: «У него нет гражданской храбрости». Даже радуясь отставке гр. Д.А. Толстого, она не упоминала о причастности к ней гр. Лорис-Меликова. 5 мая, отметив, что, по мнению правителя канцелярии МВД С.С. Перфильева, гр. Лорис-Меликов теряет «тот престиж, который у него был», Александра Викторовна желчно добавила: «Сам виноват, не знает Петербурга, не знает, как с кем быть, его обходят те, которые ему думают вредить, хотя он и хитёр, но ещё не довольно привык к хитрому дрянному Петербургу, здесь всё на интриге основано. Главные его враги — это две дамы, которых он принимает и к которым ездит — Нелидова и Клейнмихель, они-то ему и портят дело, с ними только могут иметь дело аферисты и люди подозрительного свойства»¹⁹. В этих словах звучала обида, ревность и осознание того, что её салон очевидно проигрывает другим — более привлекательным и влиятельным.

Поэтому полученное под Москвой из газет 9 августа известие о назначении гр. Лорис-Меликова министром внутренних дел, а Каханова — его товарищем вызвало у Богданович не радость, а беспокойство. «Не знаю, к лучшему ли эта перемена», — признавалась она в дневнике. Ни уверения Батьянова в том, что дела её мужа хороши и граф к нему по-прежнему расположен, ни поддержка гр. Лорис-Меликовым строительства Тюменско-Екатеринбургского участка Сибирской железной дороги (чего добивался Богданович) её не успокаивали. При этом сам генерал-майор был доволен новым руководством. Генеральше же казалось, что граф всех «боится», обещает, но ничего не делает. «Не верю я больше этому человеку, — писала она 24 октября, — очень он не искренне, не открыто действует. Каханов, по-моему, его гораздо вернее и честнее». «Видать во всём непоследовательность, нет системы», — брюзжала она, узнав о назначении Абазы министром финансов. В ноябре гр. Лорис-Меликов для неё уже «фокусник», который, «не имея гражданского мужества, оттирает Е[вгения] В[асильевича] от дела», и «даже не приедет ко мне, имеет же он время посещать

¹⁸ Там же, л. 27, 30—33.

¹⁹ Там же, л. 36—39, 42—43, 138.

таких лиц, как Нелидова и Клейнмихель». «Нет, — предрекала Александра Викторовна, — этот человек покажет, что он не спасение России, что это тоже в своём роде нарост на неё». 31 декабря, побывав у министра, генерал, по словам жены, «нашёл, что трудно видеть такой перемены, какую он нашёл с Лорисом, что он страшно похудел, краше в гроб кладут... что порядку нет у него в делопроизводстве, что Скальковский туп, что других никого нет и... у него нет никакой системы, нет знания дела»²⁰.

Но граф продолжал свою игру с Богдановичем, ставшим теперь его подчинённым. С осени их контакты становятся всё интенсивнее. Министр подолгу беседовал с генерал-майором, делал ему комплименты, полушутя называл его «президентом прессы»²¹. Со своей стороны, Евгений Васильевич всячески старался сдерживать близких к нему журналистов от обвинений МВД в неспособности обеспечить продовольствием пострадавшие от неурожая губернии. Так, 27 января 1881 г. он упорно доказывал Суворину, что «есть нужда, а... голода нет». В феврале 1881 г. Богданович оказался в отчаянном положении из-за отсутствия денег. В семье уже всерьёз задумывались о необходимости «переменить образ жизни», поскольку «дела наши очень плохи». «Завтраки» и «обеды» в салоне могли прекратиться. Граф тут же «выхлопотал» генералу у императора «хорошее жалование» (4 тыс. руб. в год), всячески расхвалив в докладе его заслуги перед министерством. Готовя тогда пересмотр законов о печати и объявление о разработке обширных административных и экономических реформ, гр. Лорис-Меликов как никогда нуждался в услугах и возможностях Богдановича и его салона. Могущественный министр вовсе не выглядел уверенным в своих силах, напротив, казался «расстроенным, нервным», опасаясь, что террористы вновь напомнят о себе 19 февраля²².

В своём кабинете граф часами обсуждал с Евгением Васильевичем управление периодикой. У генеральши даже сложилось впечатление, что её мужа собираются сделать начальником Главного управления по делам печати. При этом Богданович заявлял, что «нечего баловать» Каткова, а от редактора «Голоса» В.А. Бильбасова добился согласия «переменить вредное направление» и писать, как «правительству нужно — в унисон с Лорисом». Но о намеченной графом программе преобразований генерал явно не знал, поскольку 28 февраля предостерегал Абазу и гр. Лорис-Меликова от попыток М.Н. Анненкова и гр. Э.Т. Баранова «создать целый железнодорожный парламент: 16 [городских] голов, 20 председ[ателей] земс[ких] управ, массу профессоров и пр., всего 120 ч[еловек], чтобы обсудить движение железнодорожное — это выйдет земский собор, которого здесь так бояться»²³.

Конечно же, бурная деятельность супруга и надежды на то, что «поправится наше материальное положение», не могли не изменить настроение Александры Викторовны. Её отзывы о графе теплеют, от прежней критики не остаётся и следа.

После цареубийства 1 марта 1881 г. поддержка Богдановичами политики гр. Лорис-Меликова проявилась ещё рельефнее. Генерал подключился к управлению печатью, а генеральша, хотя и сетовала на то, что «бедный Ло-

²⁰ Там же, л. 76, 80—96, 102—104, 125, 138, 140.

²¹ Там же, л. 103.

²² Там же, д. 237, л. 14, 17—27.

²³ Там же, л. 24—30, 187.

рис скверно окружён», ожидала, когда «его звезда... снова ярко заблестит на горизонте». Действия противников министра внутренних дел (Каткова, К.П. Победоносцева, Н.М. Баранова) ею сурово осуждались. Первое жалование, назначение мужа членом от МВД при Донецко-Криворожской железной дороге, помощь графа при устройстве её сына в Пажеский корпус, разумеется, лишь укрепляли симпатию²⁴. Поэтому внезапная отставка главы МВД вызвала у неё искреннее огорчение. «Мне жаль нашего графа, — писала Александра Викторовна 2 мая, — какой он симпатичный человек. Я его последнее время очень полюбила». Победоносцев и Катков вызывали у неё неприятие: «Не друзья они России, ведут её прямо к гибели». Но Евгений Васильевич, похоже, не унывал. Провожая 12 мая гр. Лорис-Меликова за границу, он говорил: «Возвращайтесь скорее, дома много дела, Ваше место здесь, дом дал большую трещину, надо будет работать, чтобы не рухнуло здание»²⁵.

²⁴ Там же, л. 31—60.

²⁵ Там же, л. 60—66.

«Ненадёжный друг»: А.С. Суворин и салон Богдановичей в конце XIX в.

Александр Котов

**«Unreliable friend»: A.S. Suvorin and the Bogdanovich salon
at the end of the 19th century**

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870008278-6

Салон Евгения Васильевича Богдановича и его супруги Александры Викторовны не случайно привлекает внимание историков¹. Это было заметное явление в петербургской общественной жизни конца XIX — начала XX в. Генеральские обеды регулярно посещали военные, чиновники, дельцы, а также редакторы и публицисты консервативных и либеральных газет — В.А. Бильбасов, В.В. Комаров, кн. В.П. Мещерский, С.С. Татищев, П.П. Цитович и даже изредка появлявшиеся в Петербурге М.Н. Катков, Н.А. Любимов, И.Ф. Цион². Видное место среди них

© 2020 г. А.Э. Котов

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-01-00021.

¹ *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны Петербурга—Петрограда (конец XIX — начало XX века). СПб., 2007. С. 125—188; *Леонов М.М.* А.В. Богданович и её салон // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. История. Политология. 2009. № 15(70). С. 129—136; *Леонов М.М.* Салон В.П. Мещерского: Патронат и посредничество в России рубежа XIX—XX вв. Самара, 2009. С. 8—9, 115, 146.

² Об их отношениях с семейством Богдановичей см.: *Котов А.Э.* Консервативные публицисты на страницах дневника А.В. Богданович // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер. Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 24—30.